В письме 37 Тьяо Москву описывает как город большой, грязный, с плохо выстроенными домами. Поскольку двор расположен в Петербурге, жители Москвы не имеют возможности следовать образу жизни цивилизованных придворных и иностранцев, находящихся при государе (LCh, II, 64). Письмо 56 посвящено пребыванию Тьяо в Петербурге (LCh, II, 268—277). Это большой город, несомненно лучше застроенный, чем Москва, улицы там прямые, они пересечены каналами, общественные здания отмечены правильной архитектурой. Город обязан своим происхождением покойному Петру, который хотел сделать его центром торговли всего мира. В основном текст письма посвящен самому Петру; д'Аржан подробно повествует об истории жизни и деяний Петра, начиная с юности, говорит о его преобразовательской деятельности в Московии и об отношениях с другими державами, отмечает, что все московиты почитают его память. О Петре — и письмо 57 (LCh, II, 276—287): в нем Петр именуется героем, несмотря на присущие ему недостатки; китаец отмечает суровость его обращения с подданными, но признает, что это было только на благо последних; царь умел и наказывать и миловать, но Тьяо осуждает его за убийство сына, ибо это нарушает всякие законы природы.[9]

впрочем, и в большинстве других, можно предположить, что он воспользовался описанием путешествия Филипа Авриля: *Avril Ph.* Voyage en divers Etats d'Eropa et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, contenant plusieurs remarques curieuses de phisique, de géographie, d'hydrographie et d'histoire, avec une description de la Grande Tartarie, et des différents peuples qui l'habitent. Paris, 1692.

[9] Вряд ли маркиз д'Аржан знал о том, что Петр не любил ни французов, ни французского языка. Свидетельством этому служат хотя бы «Достопамятные повествования и речи Петра Великого», составленные его денщиком Андреем Нартовым. Вот несколько примеров. Когда государю было доложено, что в Петербург прибыли «плясуны и балансеры», он заявил генеральному полицмейстеру Девиру: «Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург — не Париж, пускай чиновные смотрят дурачества такие неделю, только с каждого зеваки не больше гривны, а для простого народа выставить сих бродяг безденежно пред моим садом на лугу. Потом выслать из города вон» (Москвитянин. 1842. № 7. С. 24). Когда русские солдаты, разгоряченные баней, бросались в Сену, плавали и ныряли, а французы думали, что они «перемрут», государь отвечал: «Не опасайтесь, г. Вернон. Солдаты от Парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русской баней» (там же. № 11. С. 125). После смотра французских войск государь сказал князю Куракину, послу в Париже: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют» (там же). Надобными языками для России Петр почитал голландский и немецкий, а «с французами, говорил он, не имеем мы дела» (там же. № 8. С. 337). Однако, по донесению А. А. Матвеева, в 1703 г. «русские робята» в Голландии учились по-голландски и по-французски (см.: *Грот Я. К.* Труды: В 5 т. СПб., 1898—1903. Т. 4. С. 119). При отъезде из Парижа Петр Великий сказал: «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня оставить то место, где наука и художества цветут. И жалею притом, что город сей рано или поздно от роско-